

Кончаловский Андрей 12.03.2004 Культура и судьба

Недавнишняя — 2004 — 12 марта — с. 13

Андрей Кончаловский: «Из всех искусств сегодня важнейшим для нас стало телевидение»

Сергей Шаповал

Знаменитый режиссер Андрей Кончаловский готовит к выходу на телеканале «Культура» сериал «Культура — это судьба». Мощное название, неисчерпаемая тема. Повод для разговора очевиден: в очередной раз попытаться понять судьбу России.

— Андрей Сергеевич, очевидно, что Россия вступила в пору очередных перемен, это каким-то образом может сказаться на культуре?

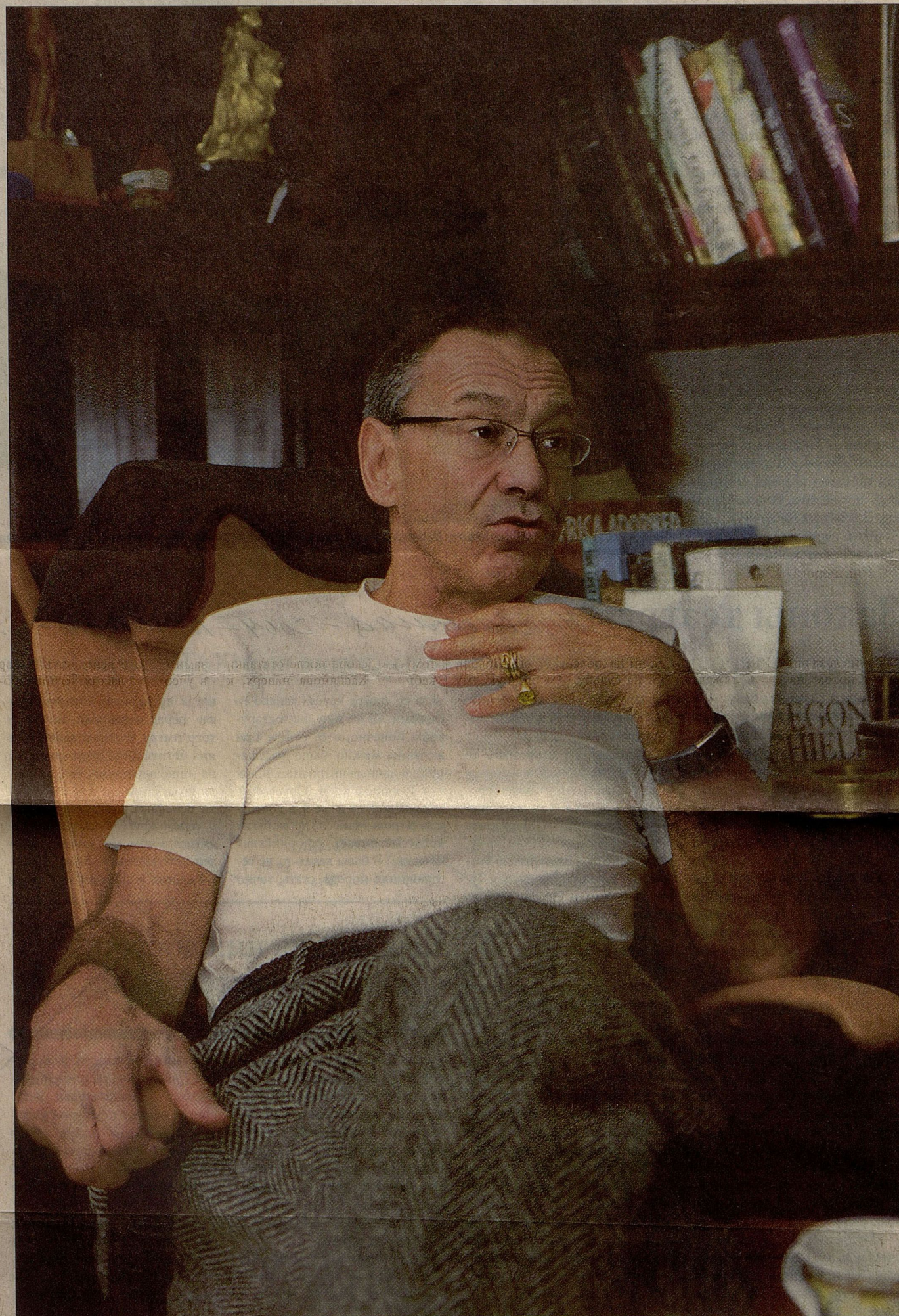
— Если говорить о культуре, не ограничивая ее проблемами искусства, то речь должна идти о народном сознании, об исторически сложившихся условиях, об исторически сложившейся норме. А что такое норма? Это то, что удовлетворяет относительное большинство нации. Исходя из этого, я не вижу разрыва между X веком и XXI. Другое дело, что происходили крутые политические сломы и зигзаги, которые совершались людьми в надежде, что культура изменится. Это, например, эпохи Петра I и Павла, борьба со старообрядчеством, большевистский проект. История показывает, что все попытки изменить культуру посредством политической воли заканчивались неудачей. Это постулат.

— То есть вы не видите корреляции между политической системой и культурой?

— Конечно, вижу. Культура всегда влияет на политическую систему и изменяет ее согласно своим представлениям о нормах. Как бы мы ни старались создать демократическую систему и гражданское общество, бороться с коррупцией, не скажу, что это невозможно в принципе, но на протяжении жизни одного поколения этого не сделать. Именно потому, что политическая система не способна оказать влияние на культуру.

— Но ведь советская система создала и советскую культуру, и советского человека.

— Ничего подобного. Советская власть пыталась создать демократическое государство, в результате она получила авторитарное государство с культом личности. Именно то, чего требовала культура. Марксист Плеханов предупреждал Ленина: русская история не создала объективных предпосылок для демократии. Речь именно о культу-

Андрей Кончаловский: «Мне интересно говорить о тайне человеческой души».

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

ре, которая не подразумевала демократию. Какую идеологию ни внедряй в России, она примет формы, соответствующие русской культуре. А это культура крестьянская, общинная и православная. Такая она и сегодня.

— Многие главную проблему современной России видят как раз в том, что при большевиках была уничтожена традиционная культура, поэтому сегодня не на что опереться.

— Это чушь. Культуру невозможно уничтожить, это означало бы поголовное уничтожение народа. Русский человек как справлял большую нужду мимо унитаза, так и продолжает это делать сегодня. Никакие революции не могут этого изменить! Повторяю, если не путаться в понятиях, станет ясно, что ни большевики, ни демократы не способны сломать веками складывавшийся культурный механизм. В его основе мощный морально-этический комплекс. Ничего большевики не уничтожили, не говоря уж о том, что большевизм соотвечествовал русскому средневековому мышлению. Об этом очень хорошо написал Бердяев. Русский коммунизм своими корнями уходит в общину, которая никогда не позволяла людям выделяться. Эта уравниловка помогла выживать, но одновременно блокировала развитие индивидуализма. Русскому человеку свойственны мечтание и порыв, у него абсолютно отсутствует прагматизм. Коммунизм строился на всеобщем порыве.

В начале 90-х рванули в другую сторону, заговорили о духовном возрождении, будучи убежденными, что все распалось при коммунизме. Я убежден, что духовное возрождение нужно начинать сейчас, потому что в течение последних десяти лет у нас происходило духовное уничтожение. Разрушительным для нас оказался именно либерализм. Народ никогда не знал, что делать со свободой. Безжалостное разрушение советской системы стало одним из самых трагических моментов в жизни России. Это был эксперимент над нацией, которая не знает, что такое индивидуальность, частная собственность, права.

— А как вы себя чувствуете внутри такой культуры?

— Как я могу себя чувствовать, когда я часть этой культуры? Я же не с Марса сюда упал. В определенном смысле я эту культуру терпеть не могу, но это не значит, что она не моя. Родную мать любишь со всеми ее недостатками.

— Вы оцениваете либеральные реформы как разрушительные, а что, по-вашему, происходит сейчас?

— Сейчас пришли люди, которые не господствуют, а служат. У нас был президент, который делал, что хотел, сегодня у власти служивый человек. Это дает надежду. Недавно Николай Шмелев хорошо сказал: слово «застой» не такое плохое, оно гораздо интереснее, чем прогресс, который мы наблюдали в течение десяти лет. В России стабильность и безопасность гражданского населения гораздо важнее, чем его свободы. Каждая нация считает ценностью то, в чем она испытывает потребность. Именно потребности рождают ценности. Мы находились на грани полного распада. Весь народ был ог-

— Да. При этом надо пытаться создавать предпосылки, развивающие у народа новые потребности. Государство должно проводить такую пропаганду, которая поможет народу понять свою роль в истории. Права не так важны, как обязанности. Культура апеллирует именно к обязанностям. Люди, исполняющие свои обязанности, как правило, имеют и права. В нашей стране абсолютно необходима сильная государственность, лишь она может сдерживать частнобизнеснические компрадорские инстинкты, свойственные крестьянину. Нет более страшного эксплуататора, чем крестьянин.

— Культура апеллирует к обязанностям, значит, она ставит перед человеком некое дол-

Культуру невозможно уничтожить, это означало бы поголовное уничтожение народа

раблен! Реформаторы объяснили, что это самый лучший способ заставить людей двигаться вперед. Они не понимали, что эти люди никогда не хотели двигаться вперед. У нас никогда не было ни буржуазии, ни пролетариата, потому что у нас не было индустриальной революции.

Крепостных крестьян стояли для работы на заводах и мануфактурах, но менталитет они сохраняли крестьянский. В России не было городов, были военные поселения, обнесенные тыном. Что такое город? Это конгломерат людей, которые зарабатывают на хлеб, не работая на земле. Человек, не зависящий от землевладельца и имеющий профессию, начинает качать права. У нас такого процесса не было. Как мы можем ожидать появления гражданского общества? Нужно познать культуру нации, чтобы понять, какой государственный строй ей подходит.

— Как вы можете квалифицировать свои нынешние взгляды?

— Я консерватор. Я считаю, что нужно понять народ и действовать согласно его принципам, а не навязывать то, что ему чуждо. Народное правительство должно обслуживать народ.

— Народ, который справляет нужду мимо унитаза?

— Да. При этом надо пытаться создавать предпосылки, развивающие у народа новые потребности. Государство должно проводить такую пропаганду, которая поможет народу понять свою роль в истории. Права не так важны, как обязанности. Культура апеллирует именно к обязанностям. Люди, исполняющие свои обязанности, как правило, имеют и права. В нашей стране абсолютно необходима сильная государственность, лишь она может сдерживать частнобизнеснические компрадорские инстинкты, свойственные крестьянину. Нет более страшного эксплуататора, чем крестьянин.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 14